

А.А. Коринфский

Народная Русь

**Круглый год сказаний, поверий,
обычаев и пословиц русского
народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.А. Коринфский**
Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа / А.А. Коринфский – М.: Книга по Требованию, 2016. – 734 с.

ISBN 978-5-458-13275-6

Настоящая книга - плод более чем двадцатилетних наблюдений над современным бытом крестьянина - великоросса, дополненных сравнительным изучением всех ранее появившихся в печати материалов по русской и славянской этнографии.

ISBN 978-5-458-13275-6

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книга — плодъ болѣе чѣмъ двадцати лѣтнихъ наблюденій надъ современнымъ бытомъ крестьянина - великоросса, дополненныхъ сравнительнымъ изученіемъ всѣхъ ранѣе появившихся въ печати матеріаловъ по русской и славянской этнографіи.

Самостоятельныя наблюденія сосредоточиваются преимущественно на нижегородско-самарскомъ Поволжье (губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской). Волгу я изѣздилъ вдоль и поперекъ, на берегахъ ея провелъ дѣтство, юность и раннюю молодость, поставившія меня лицомъ къ лицу съ народной жизнью, обвѣявшій меня неотразимымъ дуновеніемъ самобытной поэзіи яркихъ преданій прошлага.

Съ юношескихъ лѣтъ стали наполняться одна за другою мои записныя тетради — то пословицами, поговорками и ходячими народными словами, то обрывками деревенскихъ пѣсень, то содержаніемъ подслушанныхъ сказокъ.

Часть этихъ тетрадей, къ сожалѣнію, утратилась безслѣдно; уцѣлѣвшія послужили мнѣ поводомъ къ написанію—во „Всемірной Иллюстраціи“, „Нивѣ“, „Сѣверѣ“ и другихъ журналахъ—первыхъ (если и вошедшихъ въ настоящую книгу, то только въ качествѣ материала) бѣглыхъ замѣтокъ о русскихъ простонародныхъ суевѣрныхъ обычаяхъ, связанныхъ съ различными праздниками и временами года.

Семь лѣтъ тому назадъ у меня явилась мысль объ изученіи исторіи русскаго народовѣдѣнія — съ цѣлью болѣе подробной разработки накопившагося въ тетрадяхъ и въ памяти материала. Близкому ознакомленію съ богатой литературой этого вопроса, начиная съ древнихъ первоисточниковъ и кончая новѣйшими изслѣдованіями, я въ немалой степени обязанъ предупредительной любезности, встрѣченной мною со стороны завѣдующаго Русскимъ Отдѣленіемъ Императорской Публичной Библіотеки—Владимира Петровича Ламбина. Достойная всякаго уваженія личность этого человѣка хорошо известна всѣмъ работникамъ пера, которымъ приходилось за послѣднее десятилѣтіе пользоваться сокровищами, собранными въ нашемъ государственномъ книгохранилищѣ.

Въ концѣ 1895 года былъ напечатанъ въ фельетонѣ „Правительственнаго Вѣстника“ первый мой очеркъ, посвященный бытописанію народной Руси; въ 1896-мъ за нимъ послѣдовало нѣсколько новыхъ, а съ

конца 1897-го по настоящее время они стали появляться периодически, постепенно слагаясь въ нечто цѣльное; къ 1899-му году созрѣлъ уже и общий планъ всего труда.

Безчисленные перепечатки, которыми встрѣчала столичная и провинциальная ежедневная печать каждый, появлявшійся безъ всякой подписи, очеркъ, и переводы некоторыхъ изъ нихъ на французскій и немецкій языкъ—служили для меня достаточнымъ побужденіемъ къ писанію дальнѣйшихъ,—причемъ зарождалась уже и мысль о приведеніи всего этого материала въ извѣстный порядокъ и обѣ изданіи книги.

Вниманіе, совершенно неожиданно оказанное этнографическимъ фельетонамъ „Правительственного Вѣстника“ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгинею Милицей Николаевною, пожелавшей узнатъ имя автора и запросившей особымъ отношеніемъ, чрезъ адъютанта Его Императорского Высочества Великаго Князя Петра Николаевича, барона Стaalъ, редакцію газеты, „будутъ-ли эти фельетоны изданы отдельной книжкой“, укрѣпила меня въ этой мысли, которая, однако, была еще далека отъ осуществленія. Письма, полученные отъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ А. С. Ермолова, оказавшагося постояннымъ читателемъ этихъ очерковъ-фельетоновъ и выразившаго желаніе лично познакомиться съ ихъ авторомъ, явились высокой наградою за мой безымянныи трудъ. Ободряемый

добрьми совѣтами и благими пожеланіями столь освѣдомленнаго читателя—я и приступилъ къ изданію этой книги.

Болѣе полуугода потребовалось на систематическую обработку напечатанныхъ фельетоновъ, на дополненіе ихъ новыми очерками, также появившимися въ „Правительственномъ Вѣстнике“, благодаря исключительно сочувственному отношенію главнаго редактора— Константина Константиновича Случевскаго, отведшаго на столбцахъ газеты широкое поле замысламъ автора.

Чѣмъ жива народная Русь—въ смыслѣ ея самобытности? На чѣмъ зиждятся незыблѣмые устои ея вѣковѣчныхъ связей съ древними, обожествлившими природу, иращурами? Какими пережитками проявляется въ современной жизни русскаго крестьянина неумирающая старина стародавия? Гдѣ искать источниковъ того неизсякаемаго кладезя жизни, какимъ является могучее русское слово—запечатлѣвшее въ сказаніяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и окруженнѣи ими обычаяхъ? Чѣмъ крѣска безконечная преемственность духа поколѣй народа-богатыря? Что даетъ свѣтъ и тепло жизни народа-нахпра? Что темнитъ-туманитъ и охватываетъ холдомъ эту подвижническую-трудовую жизнь, идущую своими заповѣдными путями-дорогами?

Вотъ семь вопросовъ, на которые я по мѣрѣ сила—пытался отвѣтить въ этой своей книжѣ. Вижній міръ, обступающій суевѣрную душу русскаго крестья-

нина, и внутреннее бытіе этой дѣтски-пытливой, умудренной многовѣковымъ жизненнымъ опытомъ, стихійной души,—вотъ что желалъ я отразить съ большей или меньшей полнотою на предлагаемыхъ вниманію читателей страницахъ.

Приблизился-ли я хоть сколько-нибудь къ задуманной цѣли—судить не мнѣ, а моимъ будущимъ читателямъ и критикамъ, за каждое существенное указаніе со стороны которыхъ я буду искренне признателенъ.

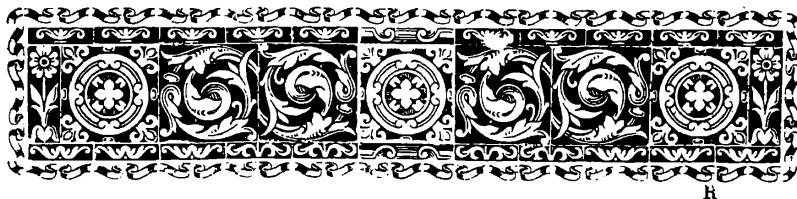
Если только суждено увидѣть свѣтъ, слѣдующимъ изданіемъ этой книги, являющейся—вмѣстѣ съ „Бывальщинами“—завѣтнымъ трудомъ всей моей жизни, то я не премину воспользоваться всѣми такими указаніями, чтобы устранить, по мѣрѣ возможности, тѣ ошибки и неточности, которые, несомнѣнно, могутъ встрѣтиться здѣсь, и пополнить допущенные теперь пробѣлы.

Жизнь русскаго пахаря красна праздниками: къ нимъ пріурочено и огромное большинство простонародныхъ сказаний, повѣрій и обычаевъ. Поэтому-то въ основу своихъ очерковъ я и положилъ эти „красивые“ дни, отведя мѣсяцеслову („круглому году“) народной Руси чуть-ли не двѣ трети своей работы. На общіе вопросы жизни, отразившіеся въ сказаніяхъ русскаго народа, пришлась остальная треть (первые семь и десять послѣднихъ очерковъ.)

Перечитавъ отпечатанные листы своей „Народной Руси“, считаю особенно пріятнымъ долгомъ посвятить эту книгу глубокопочитаемому Алексѣю Сергеевичу. Безъ его нравственной поддержки, безъ его драгоцѣнныхъ для меня писемъ, она если-бы и увидѣла свѣтъ, то—въ лучшемъ случаѣ—только въ отдаленномъ будущемъ.

Аполлонъ Коринфскій.

9 декабря 1900 г.,
С.-Петербургъ.

Р

I.

Мать-Сыра-Земля.

Ничего не быть для человѣка въ жизни святѣе материнскаго чувства. Сынъ родной земли—живущій-кормящійся ея щедротами, русскій народъ-пахарь, дышащій однѣмъ дыханіемъ съ прародою, исполненъ къ Матери-Сырой-Землѣ истинно сыновией любви и почтительности. Какъ пережившія не одинъ, не два вѣка сказанія, такъ и чуты не вчера молвишіяся-сказавшіяся красныя слова, облетающія изъ конца въ конецъ неоглядный просторъ народной Руси, въ одинъ голосъ подтверждаютъ это, ни на пядь не расходясь съ бытомъ-укладомъ позднихъ потомковъ могучаго богатыря Земли Русской Микулы-свѣтлы-Селяниновича, крестьянствовавшаго на Святой Руси въ старъ стародавнию.

Ветхозавѣтное слово, повѣствующее о созданіи человѣка „отъ персти земныя“, не могло не прийтись по мысли, не могло не приrostи къ суевѣрному сердцу славянина-язычника, крестившагося въ волнахъ Днѣпра-Словутича при Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ, князѣ столинокіевскому. Въ стихійной народной душѣ еще и до нашихъ дней не умираетъ живучее сознаніе вѣковичной связи съ обожествлявшейся супругою прѣбога Спирога, праматерью человѣчества, за которую слыла обнимаемая небомъ земля, сливающаяся съ нимъ въ единомъ плодотворящемъ таинствѣ.

„Отъ земли взяты, землей кормлюсь, въ землю пойду!“—говорить хлѣборобъ деревень русскихъ, примѣняя запавшія въ сердце слова Священнаго Писания къ своему житейскому обиходу. „Кормилицей“—зоветъ онъ землю, сторицей возвращающую ему засѣянное въ добрый часъ зерно, „матушкой“

родимою“ величаеть. А это—слово великое въ неумытныхъ-прямодушныхъ устахъ его. „Добра мать до своихъ дѣтей, а земля—до всѣхъ людей!“, „Мать-Сыра-Земля всѣхъ кормить, всѣхъ пойти, всѣхъ одѣвать, всѣхъ своимъ тепломъ пригрѣвать!“, „Поклонись матушкѣ-землицѣ, наградить тебя стоприцей!“, „Какъ ни добѣръ кто, а все не добрѣй Матери-Сырой-Земли: всякъ пріоючаеть семью до гробовой доски, а земля пріютить и мертваго!“—приговариваетъ народная мольвь, подслушанная своими пытливыми калитами-собирателями. „Всякому человѣку—и доброму, и худому—земля дастъ пріютъ!“, „Умру—похоронять, поверхъ земли не положать!“, „Вѣкъ живешь—маешься, бездомникомъ скитаешься; умрешь—свой домъ въ сырой землѣ найдешь!“,—добавляетъ къ этой молви свои подсказанныя горемычной жизнью поговорки бѣднота-голь, живущая (по ея смѣшливому прибаутку) „противъ неба, на землѣ, въ непокрытой улицѣ“. Недаромъ выплываютъ изъ глубины моря народнаго и такія слова, какъ: „Нужна рыбѣ вода, птицѣ вольная ширь поднебесная, а человѣку—нѣть ничего нужнѣе, какъ Мать-Сыра-Земля,—умреть, и то въ нее уйдетъ!“, „Кому земля—мать родная, кому—родимая матушка, а кому и мачиха; да все, какъ времени придетъ, и пасынка къ сырой груди прижметъ, не оттолкнеть, не погубить—къ себѣ возьметъ, на вѣчные вѣки приголубить!“, „Корми—какъ земля кормить; учи—какъ земля учить; люби—какъ земля любить!“.

Не мало ходить побѣлюдямъ въ деревенской-посельской Руси всякихъ пословицъ, поговорокъ, присловій и прибаутковъ о томъ, какъ и чѣмъ питаетъ своего пахаря земля-кормилица. Все это красное богатство слова сводится къ дѣйственной вѣрѣ сердца народнаго, въ которой отразилась простодушная мудрость многовѣкового опыта трудовой жизни подъ властью земли.

Великую честь воздаетъ своей вѣковѣчной заботницѣ, своей доброй кормилицѣ посельщина-деревенщина, вотъ уже не одно тысячелѣтіе припадающая къ ея могучей груди. „Святъ Духъ живеть на землѣ!“—говорить опа, именуя святою и свою родную землю, именующи—приговаривающи: „На родной землѣ хоть умри, да съ нея не сходи!“, „На какой землѣ родился—тамъ и Богу молись!“ Съ благоговѣніемъ смотрить русскій пахарь на землю, молвить о ней только одну правду-истину, да и никому не совѣтуетъ обмалчиваться передъ ней облыжнымъ словомъ. „Не моги солгать,—земля слышишь!“, „На землѣ—правдой живи, тогда земля будетъ и твоимъ дѣтямъ кормилицей!“, „Въ землѣ дѣды-прадѣды лежать, изъ

земли всякое слово слышать!—говорится еще и теперь во многихъ уголкахъ свѣтлорусского простора.

Терпѣлива Мать-Сыра-Земля: кого-чего она—могучая—на своей груди не держить! Но есть на бѣломъ Божьемъ свѣтѣ и такие грѣхи тяжкие, которыхъ, по народному слову, и она, терпѣливая, не снесеть: „Грѣхъ—грѣху рознь съ другимъ и сквозь землю провалишься!“ Всѣмъ открываетъ любве обильная кормилица хлѣбороба-пахаря свои материнскія обѣятія, когда пробѣть часть смерти человѣческой. Но темная сила, бродящая по-свѣту на пагубу роду людскому, соблазняетъ иныхъ людей и на такія черныя дѣла, что умреть человѣкъ—его даже и земля не приметь послѣ смерти. Къ нимъ причисляеть народное суевѣrie тѣхъ, кто, по его словамъ, спознаѣтъ съ нечистой силою, продавая ей душу христіанскую—на всякое лихо другимъ людямъ. Твердо вѣрить въ это держащейся за землю православный людъ.

Охватить, обступить отовсюду иного человѣка горе, не даетъ ему—горемыкъ—ни сна, ни отдыха, ни пути, ни прохода; смѣется-потѣшается злосчастіе надъ его убожествомъ, заслоняетъ отъ истомленныхъ выплаканныхъ глазъ бѣдника свѣтъ солнечный... Некуда дѣться пасынку жизни отъ своего горя горькаго! И вотъ—потерявъ всякую надежду на счастливый исходъ жизни-борьбы—обращается онъ къ послѣднему своему прибѣжищу. „Разступись ты, Мать-Сыра-Земля!“,—вырываетъ у него изъ глубины души тяжкій стонъ: „Разступись, родимая, открои мнѣ двери царскія во твои-ли палаты вѣковѣчныя!“ Объ этихъ „палатахъ“ ходить на Святой Руси такой красный сказъ, — что и просторны-то онѣ (всѣхъ людей пріютить), и богаты-де (весь бѣлый свѣтъ укупить), и всѣ-то въ нихъ—и богатые, и бѣдные—за одними столами сидятъ: пьютъ, ёдятъ, прохлаждаются, хлѣбосольными хозяевами не нахваляются...

Добрый частоколь можно было бы нагородить вокругъ ~~и~~ около житья-бытия крестьянскаго изъ однихъ такихъ пристройокъ о землѣ, какъ то-и-дѣло повторяющіяся въ деревенскомъ обиходѣ: „Не роди Мать-Сыра-Земля!“ (вмѣсто—„Не дай Богу!“), „Сквозь землю бы провалился (отъ стыда)!“, „Земли подъ собой не взвидѣль (отъ радости, а также—отъ страха)!“.. „Какъ это его еще земля носить?“—говорится обѣ явно недобросовѣстномъ человѣкѣ, „Какъ подъ землю провалился!“—о пропавшемъ безслѣдно, „Хоть изъ-подъ сырой земли достань, а вынь да положь!“, „Отъ меня и сквозь землю не уйдешь!“, „Легче въ землю лечь (чѣмъ это видѣть)!“ и т. под. „Не тужи по землѣ!“—утѣшаютъ бобыля смѣшиліи краснословы, за

крылатымъ словцомъ не лазящіе въ карманъ, походя его налету подхватывающіе: „Сажонку вдоль, полсаажонки поперекъ, и будеть съ насъ!“ (о могилѣ). Записаны кладоискателями живого великорусского языка и такія слова, связанныя съ землею, какъ: „Выросло дерево отъ земли до неба. На томъ деревѣ двѣнадцать сучковъ; на каждомъ сучкѣ по четыре кошеля, въ каждомъ кошель по семи яицъ, а седьмое—красное!“ Загадѣтъ мужикъ такую загадку да самъ—простота—тутъ-же и разгадываетъ: „Дерево—гдѣ, сучки—мѣсяцы, кошели—недѣли, семь яицъ—семь дней, седьмой день—красѣнъ—праздничекъ, воскресеньице!“ Повторяетъ народная Русь и такія загадки о землѣ, какъ: „Меня бьютъ, колотятъ, ворочаютъ и рѣжутъ; я все терплю и всѣмъ добромъ плачу!“ (въ Псковск. губ.), „Что на свѣтѣ сытнѣй всего?“ (въ Самарск. губ.), „Аще, аще, что ни есть въ свѣтѣ слаще?“ (тамъ-же).

Земля—общая родина счастливыхъ и несчастныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. „Не по-небу и богачъ ступаетъ, не подъ землей живеть и ницій-убогій!“—гласить убѣленное сѣдина-ми пережитыхъ вѣковъ простонародное слово. „Сверху—небо, снизу—земля, а съ боковъ ничего нѣтъ. Хорошъ бѣлый свѣтъ: хоть жарко, да вѣтеркомъ обдувается!“—приговарива-ется, прибаутки ладить словоохотливая деревня: „Небо въ туманѣ—и земля въ обманѣ, и пусто въ карманѣ!“, „Солнышко-вѣдрышко красной дѣвицѣ по синю небу ходить, а все на землю глазъ наводить!“, „На чѣдѣ далеко съ земли дѣ неба, а какъ стукнеть въ нѣбѣ громъ—я у насъ слышно!“

Въ могучей семье древнерусскихъ былинныхъ богатырей есть двое, всѣ подвиги которыхъ непосредственно связаны съ землею, вѣковѣчной кормилицею народа-пахаря. Это—Святогоръ, старѣйший изо всей дружины богатырской, да Микула Селяниновичъ—богатырь-оратай.

О первомъ изъ нихъ дошло до нашихъ дней нѣсколько былинъ, каждая изъ которыхъ выставляетъ его представителемъ чудовищно-могучей стихійной силы, не имѣющей прямого при-мѣненія, ищущей и не находящей его во всемъ окружаю-щемъ—ни среди природы, ни среди населяющихъ послѣднюю существъ. Это—мученикъ своей собственной силы. Грузно богатырю отъ нея что отъ тяжкаго бремени. Бродить у монгучаго силушки по жилочкамъ, жгетъ огнемъ, горячить жаркимъ полымяемъ бурливую кровь, просится па волю воль-ную; и нѣту ей—неуѣмной—пути-выхода изъ тѣла богатыр-скаго. Заключена она въ немъ—что въ душной темницѣ, за семью дверями дубовыми, за семью желѣзными засовами... И хотѣль-бы Святогоръ-богатырь свою полонянку на волюшку